

Вскоре по залам дворца Тайцзи разнесся громкий возглас:

— Премьер-министр прибыл!

Сквозь резную ширму из белого нефрита открывался вид на происходящее внутри. Жун Ваньчжао увидел, как императрица, чья власть была безгранична, сидит прямо на маленьком лисенке, прижав того к коврику.

Жун Ваньчжао задержал на них долгий взгляд, а затем отвел глаза. На его бледном, болезненном лице промелькнула едва уловимая холодная усмешка.

— Ваше Величество, вы в прекрасном расположении духа.

Эти слова прозвучали как сдавленный от едва скрываемого гнева шепот, каждое слово было отчеканено с особой тщательностью. Бай Лу оставалось лишь молчать в ответ. Слегка кашлянув, она произнесла:

— Ваше Величество, премьер-министр прибыл, как вы и просили...

Сюй Цяо, все еще сжимавшая в руках ленту, на мгновение замерла, забыв о своих действиях. Помолчав, она решительно поднялась с лисенка.

В центре покоев правительница, чье слово было законом, выглядела несколько растрепанной: длинные волосы рассыпались по плечам, а темное платье сбилось. Выглядело это... весьма неподобающе.

Поразмыслив мгновение, она опустилась на сиденье и свысока посмотрела на связанного лисенка, лежащего на полу. Сюй Цяо слегка прищурилась, и ее голос, как всегда, прозвучал ровно и бесстрастно:

— Если бы ты пришел на полчаса раньше, мне не пришлось бы возиться с этим.

Жун Ваньчжао молча смотрел на нее. Ее профиль, скрытый густыми прядями волос, казался изящным и спокойным. Однако, когда его взгляд опустился чуть ниже, он замер: на белоснежной шее императрицы отчетливо алели несколько свежих следов.

Он молча прищурился. В его всегда холодном взоре мелькнуло острое, едва уловимое раздражение. Наступила тишина. Наконец, его ледяной голос нарушил молчание:

— Что прикажете делать, Ваше Величество? Я исполню любой ваш указ.

Тон Жун Ваньчжао был сухим и холодным. Сюй Цяо повернула к нему голову. Бледное, болезненное лицо премьера выражало лишь сдержанную неприязнь.

Бай Лу поспешила подойти ближе. Она приподняла верхнюю часть тела лисенка, но развязать ленту на его запястьях не посмела.

— Прошу вас, господин премьер, окажите помощь молодому господину.

Как только она помогла ему сесть, лисенок, пребывая в полубреду, начал тереться о край ковра и невольно привалился к ногам императрицы.

— Сестрица... — прошептал он хриплым, слабым голосом.

Сюй Цяо слегка нахмурилась. Ей совсем не хотелось обращать на него внимание, но он терся о нее все настойчивее. Его красные лисьи ушки, ослабленные болезнью, безвольно повисли по бокам головы. Сюэ Цяньцзуй потерся щекой о ее руку, словно больной зверь, а его глаза, подернутые туманом, выражали лишь томную усталость.

— Сестрица... мне больно.

Он обиженно пробормотал это, опустив свои красивые глаза, и протянул к ней руки. Боль, о которой он говорил, была вызвана туго затянутой лентой, но в своем болезненном состоянии он не мог выразить это яснее. Его речь была невнятной, и единственным, что он повторял, было обращение к ней.

— Сестрица, развяжи, пожалуйста.

Он стоял на коленях рядом с ней, припав к ее коленям, и жалобно шевелил губами. В его затуманенных глазах плескалась мольба.

— Развяжи... ну пожалуйста.

Его голос, чистый и звонкий, как лунный свет, сейчас был надтреснут от болезни. Запястья лисенка покраснели от трения. Сюй Цяо, наконец, дрогнула. Не говоря ни слова, она одним движением развязала ленту.

Едва она освободила его, лисенок, даже не пытаясь потереть ноющие запястья, подался вперед. В его черных глазах с приподнятыми уголками промелькнула хитрая искра. Неожиданно, прежде чем она успела среагировать, он легко, почти невесомо, прикусил ее за тыльную сторону ладони.

Довольный смешок сорвался с его губ, словно он одержал победу.

— М-м, сестрица такая добрая.